

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В СССР, РОССИИ И АМЕРИКЕ (пролетарский писатель в трех лицах)

София Ястребнер

Все мы знаем А. М. Горького со школьной скамьи. Моя статья посвящена тому, как классик русской литературы был представлен в советское время, что мы узнали нового о нем в связи с тем, что архивы НКВД стали частично доступны в современной России, и как оценивают творчество Горького американские и западные историки и литературоведы.

О том, как советская пропаганда преподносила Горького, пишет в своей книге «Гибель Буревестника» Аркадий Ваксберг: «Множество исторических личностей, начиная с того же Ленина, были превращены советской пропагандой в мифы... Но вряд ли еще хоть чья-то биография подверглась столь беспощадной насильственной деформации, как биография Горького» [1].

Официальная пропаганда гласила: Горький – великий русский писатель, «крупнейший представитель пролетарского искусства» (Ленин). Он поднялся из глубочайших низов старой России до самых вершин человеческой культуры. Он выдвинул величайшей из революций, стал ее певцом, ее буревестником. Он стал другом Ленина и Сталина, оказавших огромное влияние на идейное развитие писателя. Горький – основоположник советской литературы, создатель социалистического реализма.

Произведения Горького издавались огромными тиражами, а в библиотеках висели фотографии «Ленин и Горький», потом – «Сталин и Горький».

Что же мы узнали о Горьком сейчас? «Буревестник революции», воспевший «безумство храбрых» и призывавший «Пусть сильнее грянет буря!» (кстати, этими словами Ленин закончил свою статью «Перед бурей»), революцию 1917 года принял неоднозначно. Искренне веря в необходимость преобразования русской действительности, Горький опасался, что «на улицу выползет неорганизованная толпа, не понимающая, чего она хочет, и авантюристы, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции» [4].

После победы Октября Горького беспокоили политические устремления победителей. 7 ноября он поместил статью в журнале «Летопись», в которой написал: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия... Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» - на самом деле, это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции...» [1].

В газете «Новая жизнь» он пишет: «Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России, - русский народ заплатит за это озерами крови... Ленин обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс» [1].

8 ноября 1917 года он пишет в статье «В Москве»: «Ужасны эти люди, одинаково легко способные на подвиги самопожертвования и бескорыстия, на бесстыдные преступления и гнусные насилия. Ненавидишь их и жалеешь всей душой и чувствуешь, что нет у тебя сил понять тление и вспышки темной души твоего народа» [4].

14 мая 1918 года: «Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей. Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами – не честен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой – произволе и насилии» [4].

Подобные статьи публиковались до июля 1918 года, когда по распоряжению Ленина газета была закрыта, а статьи Горький опубликовал брошюрой под названием «Несвоевременные мысли».

Горький оставил богатое наследие, но его творчество известно отнюдь не полностью. По мнению А. Ваксберга, наиболее полно он проявился в эпистолярной прозе, сокрытой от нас на протяжении десятилетий.

Еще в 1909 году он, например, писал Ленину: «... Порою мне кажется, что всякий человек для Вас – не более, как флейта, на коей вы разыгрываете ту или иную мелодию, и что Вы оцениваете каждую индивидуальность с точки зрения ее пригодности для Вас – для осуществления Ваших целей, мнений, задач» [1].

С поразительной пронизательностью он раскусил своего «великого друга» еще тогда. Стоит ли удивляться, что письмо было рассекречено только в 1993 году?

Когда в 1919 году начались массовые аресты кадетов, интеллигенции, Горький написал письмо председателю ВЧК Ф. Дзержинскому: «Сообщаю Вам, что я смотрю на эти аресты как на варварство, как на истребление лучшего мозга страны и заявляю..., что Советская власть вызывает у меня враждебное отношение к ней» [1].

Свою миссию Горький видел прежде всего в том, чтобы спасти – теперь уже от большевиков – культуру, науку, искусство. Травлю интеллигенции он воспринимал как великую драму. Его письмо к Ленину, укрытое в архивах КГБ до 1993 года, свидетельствует об этом: «Я знаю, что Вы привыкли «оперировать массами» и личность для Вас – явление ничтожное, - для меня Мечников, Павлов, Федоров – гениальнейшие ученые мира, мозг его. Вы, политики, - метафизики, а я вот, невменяемый художник, но – рационалист больше, чем вы. В России мозга мало, у нас мало талантливых людей и слишком – слишком! – много жуликов, мерзавцев, авантюристов... Искоренять полуголодных стариков-ученых, засовывая их в тюрьмы, ставя под кулаки обалдевших от сознания власти своей идиотов, - это не дело, а варварство» [1].

В ответ газета «Правда» обвинила его в том, что он «заговорил языком врагов рабочего класса». И будет ли Горький желанным гостем на светлом празднике народов, на пиршестве мира? Ответ Горького был хлестким: «На празднике, где будет торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы и, как раньше, как всегда, личность человека останется угнетенной, - мне на этом «празднике» делать нечего, и для меня это – не праздник» [1].

Ленина раздражали просьбы Горького проявить снисходительность к либеральной интеллигенции. Однако терять его он не хотел. В одном из своих выступлений Ленин заявил, что в данных условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, интеллигентский пессимизм вреден. «А Горький – наш человек... Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он безусловно к нам вернется... Случаются с ним такие политические зигзаги...» [1].

Между тем многие стали замечать, что с Горьким происходит метаморфоза, превращающая оппозиционера в конформиста. Особенно это проявилось после покушения на жизнь Ленина 30 августа 1918 года. Он был ранен. На следующий день Горький и Мария Андреева отправили Ленину телеграмму: «Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом. М. Горький. Мария Андреева» [2]. Позже Горький нанес Ленину визит. Писатель исповедался перед ним в своих сомнениях и заблуждениях. Ленин сказал ему: «Кто не с нами, тот против нас. Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам» [2].

В то время колебания Горького подавались как временные заблуждения и ошибки, которые, благодаря заботливому отношению Ленина, были изжиты. Горький потом писал, что со дня покушения на жизнь Владимира Ильича он снова почувствовал себя большевиком. Горький, как говорилось, мечтал создать книгу – апологию советской власти, но никогда не создал художественного произведения о советской действительности. Он с головой ушел в общественную и публицистическую деятельность.

Россия была на краю гибели. Зима выдалась суровая. В Петрограде транспорт не работал. По обледенелым тротуарам ходить было невозможно. За буханкой хлеба люди простаивали часами в очередях. Многие умирали от голода и холода. Положение интеллигенции было трагическим. Горький занимается спасением писателей, художников, артистов, ученых от когтей чекистов. Многие из них погибли, были расстреляны за свои «буржуазные» убеждения. Из миллиона семисот тысяч расстрелянных триста пятьдесят тысяч были из интеллигенции.

В это время по инициативе Горького были созданы Дом ученых, Дом искусств, Дом литераторов, издательство «Всемирная литература».

Сам же Горький сильно кашлял, ужасно выглядел. Между тем, он занялся организацией Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол). Горький писал статьи для европейской и американской прессы во имя спасения «родины Толстого, Достоевского, Павлова...» Чекисты зорко следили за его связью с благотворительными организациями Запада.

По указанию Ленина Помгол вскоре был разогнан, его члены, за исключением Горького и Каменева, были брошены в тюрьмы, сосланы или высланы из России. Тем временем железнодорожные составы и пароходы с продовольствием, одеждой, медикаментами уже направлялись в Россию.

Положение Горького становилось все более отчаянным. К тому же Ленин всячески настаивал на поездке Горького за границу. Он преследовал две цели: во-первых, избавиться от неудобного бунтаря; во-вторых, писатель Горький, благодаря своему престижу, может пробудить симпатию к молодой Республике Советов на Западе.

В это время разыгрались две драмы, которые побудили Горького сделать окончательный выбор. 5 августа скончался Александр Блок. Параллельно развивалась другая трагическая история: в Петрограде был арестован и расстрелян поэт Гумилев. Горький ходатайствовал о разрешении Блоку выехать в Финляндию для лечения, а также об освобождении Гумилева, но... безуспешно.

Между тем Ленин продолжал выталкивать Горького. 20 октября 1920 года в квартире Екатерины Пешковой Ленин полушутя сказал: «Не поедете добровольно – вышлем».

Весной 1921 года Горький выехал в Германию, прошел курс лечения в Шварцвальде, затем поселился в Берлине. Возобновил переписку с Лениным и заверял, что намерен написать книжку о советской власти, чьи успехи вполне оправдывают ее грехи – вольные и невольные.

Ромену Роллану он писал совершенно другое: о гибели многих ученых, художников, литераторов, о том, что только что умер В.Г. Короленко, интересный писатель и прекрасный человек. Шолому Ашу, еврейскому писателю, он писал: «Я не большевик, не коммунист, наоборот, я сейчас борюсь с ними». Но материально он зависел от Москвы.

Получив разрешение на въезд в любимую им Италию, он поселяется в Сорренто.

21 января 1924 года умер Ленин. Горький послал телеграмму. По его просьбе на венке была надпись «Прощай, друг! М. Горький».

Смерть Ленина встревожила Горького и в корне изменила отношение к нему. «Все обиды позабыты. Он признал, что Ленин был во всем прав. «Величайший», «гениальнейший» умер, и он ощутил свое сиротство и зловещий дух будущей неизвестности» [1]. Его убедили, что буреви́стник революции обязан высказаться о великом вожде революции. Он пишет воспоминания о Ленине. Их печатали с большими изменениями. Горький шесть раз переделывал очерк. Последняя редакция была закончена в 1930 году. И перед нами предстает идеализированный образ вождя.

Несколько слов о романе «Мать». Он был написан в 1906 году. В 1900-е годы роман вызвал острую полемику. В журнале «Русская мысль» (№ 4, 1907 г.) была опубликована критическая статья Д. Философова «Конец Горького». С ним были

согласны З. Гиппиус, А. Измайлов. И даже марксистская критика не сразу приняла новаторский метод Горького. В. Воровский, отметив пропагандистское значение романа, отказал главной героине в жизненности, типичности, счел этот образ художественно неубедительным.

Но в советское время роман «Мать» оценивался только как гениальное произведение. В очерке «В. И. Ленин» Горький приводит оценку Ленина, когда они встретились в Лондоне в 1907 году: «Книга – нужная. Много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя. Очень своевременная книга». Советская критика отмечала, что Горький впервые в мировой литературе с большой художественной силой нарисовал картины революционной борьбы пролетариата, создал «бессмертные» образы Павла Власова, его матери Ниловны, Андрея Находки и др.

По мнению французского писателя Анри Труая, именно этим романом Горький как художник завершил эпоху классической литературы 19-го века и явился родоначальником пролетарской социалистической литературы 20-го века.

В современной России роман оценивается неоднозначно. Например, авторы учебников для старшеклассников Л. Тимофеев и С. Тураев по-прежнему считают, что в романе «Мать» показано духовное обновление человека в революционной борьбе, и образ Ниловны – большая удача писателя. Иной точки зрения придерживается М. Голубков. В брошюре «Максим Горький (в помощь преподавателям и старшеклассникам)» он спрашивает, понимал ли Горький, «что Павел Власов и его товарищи работают не на созидание, а на разрушение. Думается, что нет, и это была одна из многих ошибок, которыми исполнена история его взаимоотношений с революцией, революционерами, Лениным. Ряд этих ошибок привел его в финале жизни к заточению в золотой клетке – особняке Рябушинского у Никитских ворот в Москве, в тесных объятиях Сталина, вырваться из которых было уже невозможно» [5].

Ленин изгнал Горького из страны, Сталин – возвращал. Имя Сталина не упоминалось в «Несвоевременных мыслях», но обобщенный психологический портрет будущего тирана был дан: «Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли... Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицей обидевшим его. Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких опытов» [2]. А Сталин писал про писателя в 1917 году: «Русская революция низвергла немало авторитетов. Она не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов» [2]. Но всемирно признанный писатель сейчас ему нужен. Не надеясь на естественный ход событий, Сталин посылает гонцов к нему. Горький получал мешки писем, все звали его домой. Он не решался, писал, что занят работой над романом «Жизнь Клима Самгина». Первая жена, Екатерина Пешкова, специально приехала в Сорренто, чтобы убедить его вернуться в Россию.

25 марта 1928 года, по случаю шестидесятилетия Горького, «Нью-Йорк таймс» опубликовала поздравление за пятью десятками подписей. Со всего мира приходили восторженные телеграммы.

Наконец, весной 1928 года Горький покинул Сорренто и вместе с сыном возвратился в Москву. Ему устроили пышную встречу. Его возвращение было объявлено всеобщим праздником. В Москве был выстроен почетный караул. Вокруг царил ликование. Горький был глубоко тронут, плакал и благодарил. Позже он написал: «Не знаю, был ли когда-либо и где-либо писатель встречен читателями так дружески и так радостно. Эта радость ошеломила меня» [2].

Горький старался убедить себя, что в России рождается новое общество. В 1927 году в статье «Десять лет» он заявляет: «Моя радость и гордость – новый русский человек, строитель нового государства» [2]. Он горел желанием убедиться в успехе социалистического эксперимента и желал все одобрять, всем восхищаться.

Начались официальные приемы, посещения рабочих клубов, экскурсии. Устроили долгое путешествие по стране. Сопровождал его почетный эскорт из сотрудников ГПУ. Горькому демонстрировали успехи заводов, школ, он посетил исправительные колонии для малолетних преступников... Свои отклики, всегда одобрительные, он помещал в журнале «Наши достижения». Везде произносил речи. В Сормове он сказал, что сам он «не коммунист, но знает, что партия – это действительно наш мозг, наша сила, такой вождь, какого у западного пролетариата нет» [2].

Ярый бунтарь былых времен надел розовые очки. В это время проходил «Шахтинский процесс», и Горький пишет статью «Если враг не сдается – его уничтожают». Побывав на Соловецких островах, даже в этом аду, он оставался оптимистом, и был написан радужный очерк.

Между тем у него открылось кровохарканье. В октябре 1929 года он вернулся в Сорренто, чтобы поправить свое здоровье.

Его речи и статьи, благожелательное отношение к власти не остались незамеченными. И когда в 1932 году он возвратился в Россию, ему устроили грандиозное шоу-юбилей. Горький спрашивал, кому нужен этот юбилей, говорил, что и без этого «обременен популярностью». Юбилей нужен был Сталину, чтобы извлечь из этого политическую выгоду. К тому же он надеялся, что Горький напишет о нем книгу.

Горький родился в марте, а юбилей устроили в сентябре и посвятили 40-летию литературной деятельности («Макар Чудра» был напечатан в 1892 году).

Горького осыпали всяческими почестями: созданный им Литературный институт назвали именем Горького, были учреждены именные стипендии, его имя присвоили лучшему театру страны – МХАТу (Горький противился этому, считал, что это Чеховский театр). Улица тверская стала ул. Горького, его родной Нижний Новгород стал Горьким. В Москве ему предоставили дворец, дачу в Подмосковье, дворец в Крыму, большое количество обслуги.

Во дворце на Тверской часто собирались писатели, художники, музыканты. Сюда приезжал Сталин в окружении своих соратников. Накануне отъезда Горького в Крым у него собралась «лучшие» писатели (однако Пастернак, Ахматова, Платонов, Мандельштам, Пильняк лучшими не считались, их там не было). Именно здесь Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ», и еще вошло в жизнь новое выражение – «социалистический реализм».

На встрече произошел эпизод, который стал известен через много десятилетий. Подвыпивший Бухарин взял Сталина за нос и сказал: «Ну, соври им что-нибудь про Ленина». Сталин стал оправдываться: «Лучше ты, Николай, расскажи Алексею Максимовичу, что ты на меня наговорил, будто я хотел отравить Ленина» [1].

Между тем, Ягода организовал поездку 120 писателей на Беломорско-Балтийский канал. Горький расчувствовался, расплакался и выступил с приветственной речью перед заключенными, а после поездки привлек 36 писателей, которые согласились стать певцами ГУЛАГа и выпустили под его редакцией капитальную книгу «Канал имени Сталина».

11 мая 1934 года умер сын писателя Максим (вернее, был умерщвлен). Горький очень любил сына, и у него было ощущение, что со смертью сына «его собственные корни были вырваны из земли» [2]. Он окунулся с головой в работу, только это помогало заглушить боль.

В это же время ему поручили подготовку 1-го съезда писателей, который открылся 17 августа 1934 года. На съезде были иностранные гости. Некоторые речи отличались свободомыслием. Например, «Жан-Ришар Блок напомнил советским коллегам, что они рискуют превратиться в социальных паразитов, как это было в древности при королевских дворах, когда писатель твердил монарху: сколь ты прекрасен, сколь ты мудр, сколь ты велик и сколь ты справедлив» [1]. Зал онемел. Зато Луи Арагон призвал к созданию международной социалистической культуры.

Горький понял еще до съезда, что он будет ширмой, за которой партчиновники будут насаждать свои правила игры. Он просил Сталина освободить его от председательства. В правление он включил Каменева, Пастернака и Зощенко, но скоро стало очевидно, что правление – очередная фикция.

Реальное руководство сосредоточилось в руках аппаратчиков, не имевших к литературе никакого отношения.

Хотя Горький стал штатным хвалителем власти, он не мог не замечать диктаторского характера Сталина. Знал, что страна живет в постоянном страхе, что Сталин убирает одного за другим своих соратников. Но Горькому казалось, что всякое насилие полезно, если оно оправдывалось счастьем народа.

Убийство Кирова потрясло его. Он любил Кирова и был совершенно подавлен этим злодеянием. Но эта смерть открыла эру очередных чисток. Сталин снова воспользовался случаем, чтобы убрать тех, кто представлял для него угрозу.

Горький не восхищался Сталиным, как Лениным. В своих воспоминаниях он воспевал «гений» Ленина, но о Сталине говорил как о человеке «железной воли».

Начиная с лета 1935 года здоровье Горького стало ухудшаться. Долгий отдых в Крыму не помог. Он возвратился в Москву, поселился в загородном доме в Горках. В мае 1936 года слег с тяжелым гриппом. Он задыхался, открылось кровохарканье. С 6 июня газеты публиковали бюллетени о состоянии здоровья Горького. Он боялся только одного: сердце остановится, а роман «Жизнь Клима Самгина» не будет закончен. В конце он напишет: «Конец романа – конец героя – конец автора».

18 июня 1936 года А. М. Горького не стало. Андре Жид на похоронах на Красной площади сказал: «Товарищи, смерть Максима Горького повергла в печаль не только Россию, но и весь мир... Максим Горький навсегда принадлежит истории» [2].

Прошло более года. Вдруг поползли слухи о врагах советской власти, которые могли убить Горького. В 1938 году было возбуждено судебное дело – очередная расправа над негодными Сталину людьми. 18 человек были приговорены к расстрелу, в том числе Бухарин, Рыков, Ягода, врач Левин, Крючков и др.

Анри Труая в книге «Максим Горький» приводит версию, по которой Сталин отравил Горького, прислав ему роскошную коробку отравленных конфет. По этой версии, атмосфера террора приводила Горького в ужас. Он мечтал о возвращении в Италию, пугая Сталина разоблачительными выступлениями о режиме. Чтобы пресечь подобные попытки, Сталин решил убрать Горького. В действительности Горький страдал туберкулезом, был физически истощен и измучен и вполне мог получить воспаление легких без всякого вмешательства, от чего и скончался. По словам Анри Труая, «смерть самого крупного советского писателя» явилась превосходным предлогом для устранения тех, чья популярность казалась Сталину опасной.

Состояние и трагедию Горького понял Ромен Роллан. В своем «Московском дневнике» он написал, что по возвращении в Россию в 1935 году нашел в ней много перемен. Это была уже не лихорадочная Россия времен гражданской войны. Это была «Россия фараонов, в которой народы поют, строя им пирамиды» [2]. Р. Роллан сожалеет, что Горький оказался под полным контролем своего секретаря Крючкова, платного агента ГПУ. В этом национальном герое Ромен Роллан видел узника. «Мне кажется, - пишет Ромен Роллан, - что если бы мы с ним остались наедине (и рухнул бы языковой барьер), он обнял бы меня и долго молча рыдал...» [2].

Ромен Роллан, отмечает Труая, увозил в сердце воспоминание о потерявшемся человеке, одиноком, грустном, придавленном собственной славой.

А.Ваксберг в заключение говорит: «Одаренный редким талантом, он добровольно поставил себя не на службу словесности, а на службу политике, запутавшись в тех сетях, которые расставили ему кремлевско-лубянские интриганы».

В Советском Союзе был создан хрестоматийный образ великого пролетарского писателя, преданного делу революции.

В Америке скрупулезно документировано все, что отвергает этот образ. То, что, по мнению американских литературоведов и критиков, было скрыто от советских людей, стало центральным в их анализе жизни и творчества Горького.

Американский историк – славист Джесси Кларксон в объемной «Истории России» (1961 г.) выделяет в русской литературе «злое начало» - деструктивное, обличающее, социально-разрушительное. Он приводит примеры Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского и др. Его интересуют не художественные достоинства, а идейное содержание произведения.

В этом контексте Горький в общем-то и не писатель, а «убежденный пролетарий». Его произведения «не больше, чем изображение беспросветной отсталости провинциальной жизни. О пьесе «На дне» он пишет: «Эти социальные отбросы, занятые глубокой метафизической дискуссией – реалистическое отображение жизни в недоступной уму России» [2].

Классическим учебником русской истории стала «История России» Николая Рязановского, вышедшая в 1963 году (седьмое издание вышло в 2004 г.) Он считает «золотым веком русской литературы период с 1820 по 1880 год. В прозе Рязановский видит три вершины: Тургенев, Достоевский, Толстой. Кто продолжил замечательные традиции русской литературы после революции 1917 года? Чехов мог бы, но он умер накануне переворота; Горький мог бы, если бы продолжил то, что обещало сделать его великим писателем. Но он поставил свое творчество на службу партийной идеологии, призывал следовать социалистическому реализму и «тем самым отвратил русскую литературу от классической традиции». И далее: «После смерти Горького в 1936 году в советской литературе не было ни одного сколько-нибудь знаменитого писателя» [9].

О Горьком пишет критик Орландо Файджес в статье «Максим Горький и русская революция» (журнал «История сегодня», 1996 г.): он «был иконой советского руководства. Его превозносили как первого великого русского писателя, вышедшего из пролетариев, как пожизненно преданного большевикам, как основателя социалистического реализма – художественной доктрины сталинского режима, которая гласила, что писатель должен рисовать советскую жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой была советская утопия...» По мнению Файджеса, Горький был провозвестником революции, но большевизма не принял. Особенно отвращало его от советской действительности отношение к интеллигенции.

Интересна история пьесы «На дне» на Западе.

Горький написал «На дне» в 1902 году. Вскоре появился перевод. Но в Америке пьеса мало кого интересовала. Слава пришла из Японии. В 1957 году известный кинорежиссер Акиро Куросава создал фильм «Донзаго» (по-японски «Дно»). Это не экранизация, это было японское «дно» по мотивам пьесы Максима Горького. Фильм прошел по всем кинотеатрам Японии. Это была сенсация. На Бродвее поставили спектакль «На дне». Выпустили видеокассеты «На дне». Сегодня вся культурная Америка знает пьесу «На дне». До этого, в 1936 году, французский кинорежиссер Жан Ренуар выпустил французское «Дно», но тогда критика не оценила французскую версию. В чем неожиданный успех пьесы? Ведь в ней нет сюжета, нет движения, только характеры и их взаимодействие.

Американцы знают все о преступном мире. Мы свидетели того, что преступный мир – нежелательный, но неизбежный компонент современного общества. Судебная хроника – чуть ли не половина всей информации, которую ежедневно потребляют американцы. В Америке есть широкая сеть убежищ для бездомных. Shelters – это ночлежки. Для американцев бродяги – это нечистые, «отбросы общества». Оказалось, по пьесе «На дне», что эти отверженные – тоже люди, и не просто люди, а мечтатели и романтики, которые рассуждают о «высоких материях». У каждого своя судьба, но

несправедливость и жестокость мира загнала их в ночлежку, на дно. Лука в этом безнадежном месте – источник надежды: можно помочь каждому, как бы низко ни пал человек, если проникнуть в его душу. Но выбраться со дна никому не дано. Это «американская трагедия».

Уместно вспомнить стихи Надсона, которые звучат в пьесе «На дне»:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет, –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...

Литературовед - славист Кевин Дениэл Вербах писал: «Тема «На дне» от начала до конца – горькая правда и утешительная ложь, где большинство персонажей предпочитает самообман мрачной реальности своего существования» [10].

Горький своей пьесой сказал американцам горькую правду: это мрачная реальность их существования и самообман, когда они верят в «общество равных возможностей», в «американскую мечту». Вербах пишет: «Так называемая вина этих отверженных – это вина антисоциальных условий общества» [10]. Другой славист, Ричард Хэйр, дал определение Горькому, которое закрепилось в американском литературоведении: романтический реалист и консервативный революционер.

Французский писатель и критик Анри Труая отмечает, что пьеса «На дне» имела большой успех, она «оставалась непревзойденной благодаря своей актуальности, долгие годы пройдя в своих лохмотьях через многие переводы» [2].

Пьеса пережила свое время, о чем свидетельствует такой факт: самая популярная тема сочинений московских выпускников в 2006 году – «Характеры и судьбы по пьесе Максима Горького «На дне»».

Горький открыл эпоху советской литературы, но корнями уходил в прошлое.

Несмотря на усилия пропаганды, вовсе не его речи и политические статьи остались в памяти людей, а волнующие страницы его замечательных произведений.

Источники

1. Аркадий Ваксберг. «Гибель Буревестника» (М. Горький. Последние 20 лет). – М.: «Терра-спорт», 1999, 356 с.
2. Анри Труая. Максим Горький. Пер. с французского. – М.: «Эксмо», 2004, 320 с.
3. Нина Берберова. Железная женщина. – М.: издательство политической литературы, 1991, 355 с.
4. А.М. Горький. Несвоевременные мысли. Хрестоматия по литературе. Максим Горький. Философское общество «Слово». – М.: «Вече», 2002.
5. М.М. Голубков. Перечитывая классику. Максим Горький (в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам). – М.: изд. Московского университета, 2000.
6. М. Горький. На дне. – М.: Аст-Астрель, Профиздат, 2006.
7. Л. Смирнова. Русская литература (книга для учащихся старших классов). – М.: «Просвещение», 1989.
8. J. D. Clarkson. A History of Russia. Random House, 1961, 857 pp.
9. Nicholas U. Riasanovsky. A History of Russia. Oxford University Press. Seventh Edition, 2004, 762 pp.
10. Kevin Daniel Werbach. Literary Models for Alternative Social Development in Russia. Maxim Gorky and “Mother”. University of California at Berkeley. May 1991.
11. Orlando Fijes. Maxim Gorky and the Russian Revolution. History Today, June 1996, No. 6, pp. 16-22.

12. "Gorky and Twain plead for Revolution". The New York Times, April 12, 2006.
www.twain.com
13. Dr. Irena Kruk. An Interview with Maxim Gorky for "Haynt".
www.haynt.org/397htm-23k